

ОБРАЗЫ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В КУЛЬТУРЕ

ЕВРОПЫ И РОССИИ

(ЗАМЕТКИ)

«Не говори: «Отчего это прежние дни были лучше нынешних?» Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об том» (Екклесиаст. Гл.7)

«Прошлое предлагает альтернативы неприемлемому настоящему. В прошлом мы находим то, чего недостает нам сегодня» (Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. М.,2004. С.101)

Призраки прошлого сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Они есть в каждой культуре и, чем дальше, тем более множится их число. Обычно это «золотой век» в самых разных обликах, реже – «проклятое прошлое» и еще реже – лишенное эмоциональной окраски былое. Людям свойственно недовольство настоящим и свое представление о том, как могло (должно) быть, они переносят на прошлое. Образ «золотого века» тесно связан с самосознанием породившей его культуры, а потому для изучения менталитета той или иной эпохи, народа или социальной группы важно проанализировать свойственные им фантомы прошлого. В каждой культуре есть несколько образов прошлого, но есть один, наиболее любимый. Так и в жизни отдельного человека: он хранит воспоминания о тех или иных ее периодах, но есть время, которое он считает своим «золотым веком».

Ностальгия о былом в древних обществах – основная тема работ М.Элиаде «Миф о вечном возвращении» и «Священное и мирское». «Ностальгия по Началу есть ностальгия религиозная, – заметил исследователь. – Человек желает обнаружить активное присутствие богов, он стремится жить в свежем, чистом и «сильном» Мире, в таком, каким он

вышел из рук Творца (...). Желание жить в присутствии божества, в совершенном мире соответствует ностальгии по раю»[22,с.295]. В мифологии народов мира, считал М.Элиаде, существуют представления о Священном и Мирском времени. Священное время – это время Священной истории, когда люди постоянно ощущали присутствие Высших сил, когда Небесная Воля была явлена непосредственно и зримо. Мирское время – это недавнее прошлое и современность, время серости и упадка, когда присутствие Божества обнаруживается лишь изредка и смутно. Между Священным и Мирским временем лежит непреодолимая преграда, это принципиально разные эпохи, однако Священное время периодически вторгается в Мирское, чудесным образом преобразуя и озаряя его. Это происходит во время праздников, когда события из жизни богов и героев не просто вспоминаются и отмечаются – они переживаются так, как будто происходят в настоящем. Это происходит во время совершения ритуалов, когда воспроизводятся не просто какие-либо действия, но сама реальность, с которой они когда-то были связаны. Впрочем, в традиционных обществах любое действие, любое событие приобретает смысл и значение вследствие своей связи с аналогичным действием или событием в Священном времени, Лишь тогда обретают они право на существование, когда находят свои образцы, свои первообразы в Великом Прошлом. Таким образом, настоящее можно уподобить платоновской пещере, где томятся закованные в цепи узники, а прошлое – единственно реальному, светлому миру идей, отбрасывающего тени на стены пещеры.

Но все меняется – меняются и образы Священного Времени. Постепенно они секуляризируются, утрачивая непосредственную связь с религией, и вместо богов и героев их начинают заполнять «славные предки». Однако стремление к благоговейному почитанию прошлого, стремление искать и находить в нем оправдание настоящему остаются неизменными. Переселенное из области мифа в область истории Священное Время становится более пластичным и изменчивым, и вот выясняется, что не оно

детерминирует настоящее, а, наоборот, настоящее подстраивает под себя образы «Великого Прошлого» – дабы потом было удобнее следовать заветам «славных предков». Конечно, так было всегда. Образы прошлого всегда конструировались настоящим, однако, чем быстрее и кардинальнее они менялись, тем очевиднее становилась эта зависимость. Неудивительно, что во второй половине XX века в исторической науке появляется особое направление – история памяти, которая изучает не реальное прошлое, а непрестанно меняющиеся воспоминания о нем. «Прошлое переосмысливается с точки зрения меняющегося настоящего. История в этом смысле – это игра настоящего и прошлого»[17,с.19], – считал Б.А.Успенский. Сходные идеи неоднократно высказывали и другие исследователи исторической памяти.

Считается, что «золотой век» (именуемый, правда, золотым родом или поколением) впервые упоминается в поэме Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.) «Труды и дни». Это время правления Кроноса, когда люди жили, «как боги, с спокойной и ясной душой, / Горя не зная, не зная трудов» (пер. В.В.Вересаева). В литературе Древнего Рима данный образ обогащается новыми чертами. Если Гесиод говорил преимущественно о благополучной жизни людей «золотого века», то римские авторы акцентируют внимание на их нравственных качествах и разумной общественной жизни. Наиболее полная картина «золотого века» – в поэме Овидия «Метаморфозы» (гл.1, 15). Кроме того, его описания содержатся в «Любовных элегиях» Овидия, «Буколиках» и «Георгиках» Вергилия, сатирах Ювенала, «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки и в других произведениях. Каковы же, по мнению римлян, основные черты «золотого века»?

Во-первых, простая и счастливая жизнь в гармонии с природой. В эпоху «золотого века» люди не терзали землю, и она без принуждения давала своим детям все необходимое. Люди не покушались на ее недра и не занимались мореплаванием. Они довольствовались самым необходимым, не покушаясь на свободу природы и других людей. Во-вторых, тогда не было войн, ибо людьми не владела жажда наживы. В-третьих, у людей «золотого века» не

было юридических норм; они соблюдали справедливость, следуя естественному закону.

Наряду с образами мифического «золотого века» в конце эпохи гражданских войн и начале периода Империи появляется исторический образ «золотого века». Это – республиканское прошлое. Его прославляли Гай Саллюстий Крисп (Заговор Катилины), Тит Ливий (История от основания Рима), Сенека, Гораций, Ювенал и другие. Его черты, как и черты мифического «золотого века», прямо противоположны современности.

Прежде всего это простая, естественная, лишенная роскоши жизнь (как в мифическом «золотом веке»), которая, по мнению многих римских авторов, была главным залогом всех остальных добродетелей предков. Перечисляя их, они акцентируют внимание на былом единстве и сплоченности римского народа, самопожертвовании, альтруизме, пренебрежении личным благополучием и преданности государственным интересам («Скромны доходы были у каждого, но умножалась общая собственность», – пишет Гораций (пер. Н.Шатерникова)), прочности семейных уз, женской добродетели и почитании старших.

Таким образом, в Древнем Риме сформировались основные черты «идеального прошлого», которые из века в век станут повторяться в культуре самых разных народов. Разумеется, эти черты будут усложняться и умножаться, но суть мечтаний о «добром старом времени» останется неизменной.

На протяжении веков излюбленной эпохой в европейской культуре была Античность. В Средневековье любовь к ней борется со страхом (ведь Античность – это язычество). В эпоху Возрождения он ослабел, но не исчез окончательно, временами прорываясь наружу (вспомним успех проповедей Савонаролы среди гуманистов и художников). В XVIII веке культ Античности достиг своего апогея, ибо отныне его не сдерживали никакие религиозные сомнения. Однако на рубеже XVIII-XIX веков, в начале эпохи романтизма, у него появился сильный соперник – Средневековье. В чем же секрет его успеха?

Эпоха романтизма характеризуется ростом национального самосознания, стремлением к поискам национальной идентичности и ее истокам. Но где их найти? Античность – общий идеал прошлого, общая копилка эстетических идеалов, исторических примеров и уроков. Иное дело – Средневековье. Оно у каждого свое, и именно в нем романтики искали свои корни.

Любовь к Средневековью была связана и с появлением новой эстетики. Если классицисты настаивали на ведущей роли разума в создании произведений искусства, то романтики, воскресив древнегреческую идею о боговдохновенности творчества, подчеркивали его стихийность, бессознательность, неподвластность рассудку. И в средневековом искусстве романтиков привлекало как раз то, что отвращало классицистов, – отсутствие чувства меры и обращенность в бесконечность.

Гибель многих иллюзий XVIII века и прежде всего утрата веры во всемогущество разума и его способность изменить к лучшему жизнь общества также способствовали популяризации светлых образов Средневековья. Чистая, незамутненная, искренняя вера средневековых людей противопоставлялась скептицизму и безверию современников; родственные и личностные связи средневекового общества противопоставлялись формальным юридическим и экономическим отношениям, связывающим современных людей; труд средневекового ремесленника, изготовлявшего свое изделие от начала до конца, противопоставлялся изматывающему однообразному труду современного рабочего. Однако самое главное, что, по мнению романтиков, выгодно отличало Средневековье от серой и чопорной современности, так это интенсивность и яркость жизни, сильные эмоции, глубокие и искренние чувства.

Увлечение Средневековьем в эпоху романтизма было характерно для всех европейских стран, но особенно заметно оно в немецкой и русской культурах. Отчасти это можно объяснить неразвитостью политической жизни в германских землях и Российской Империи, в результате чего интеллектуальные и творческие усилия мыслящей части общества были обращены в прошлое, противопоставленное настоящему. Отчасти культ

Средневековья был связан с усилением национального самосознания, связанным с борьбой против Наполеоновской Франции. Заметную роль в его распространении сыграла поддержка власть имущих, увидевших связь между преклонением перед Средневековьем, усилением патриотизма и укреплением своего господства, укорененного в Великом Прошлом.

Первый талантливый апологет Древней Руси – князь М.М.Щербатов (1733-1790), автор книги «О повреждении нравов в России», полный текст которой увидел свет лишь в конце XIX века. М.М.Щербатов отнюдь не идеализирует допетровскую Русь. Правда, он отзывается не без симпатии об образе жизни предков, и его характеристики древней Руси впоследствии встречаются у европейских и русских романтиков, вздыхающих о «своем» средневековье. В частности, он пишет о простом образе жизни представителей высших сословий, о святости родственных уз, о твердости религиозных устоев, однако осуждает бесправное положение женщин, местничество, суеверия и предрассудки. Преобразования Петра I были, по мнению М.М.Щербатова, по существу разумны и оправданы, и Россия добилась блистательных и быстрых успехов в области внешней политики и просвещения, но эти же самые преобразования и успехи привели в конце концов к плачевным результатам, а именно к порокам и преступлениям царствования Екатерины II. Книга М.М.Щербатова глубоко пессимистична, и его историческая логика сродни Титу Ливию. В свое время Тит Ливий, повествуя о победах римского оружия, показал, что именно эти успехи стали причиной несчастий современной жизни (расширение территории государства привело к утрате единства, военные трофеи пробудили любовь к роскоши и раздоры и т.д.). Следуя этим рассуждениям, М.М.Щербатов, с похвалой отзываясь и о «добром старом времени» и о преобразователе, показал историческую обреченность близкой его сердцу эпохи и любых, даже самых необходимых и разумных реформ. Впрочем, рассуждения М.М.Щербатова не имели никакого влияния ни на современников, ни на тех его соотечественников, которые полвека спустя,

вместе с другими европейскими романтиками, искали в Средневековье «особый путь» для своей страны.

Итак, в Средневековье европейцы и русские видели истоки своей национальной идентичности, но тем не менее их описания этой эпохи нередко совпадают. Однако есть и отличия. То, что славянофилы воспринимают как особенности русского народа, европейские авторы обычно считают особенностями средневекового человека (или просто человека из «доброго старого времени»), не связывая их напрямую с его национальностью. Особенно много общего имеют образы немецкого и русского Средневековья. Среди наиболее интересных источников, помогающих увидеть некоторые параллели, – сочинения славянофилов (К.С.Аксаков «Об основных началах русской истории»; Киреевский И.В. «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»; Хомяков А.С. «По поводу статьи И.С.Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»»), «Фантазии об искусстве» и «Сердечные излияния монаха, любителя искусства» В.-Г.Вакенродера, книга известного социолога Ф.Тённиса «Общность и общество» и написанные во время Первой мировой войны «Наблюдения аполитичного» Т.Манна, в которых особенно отчетливо прослеживается сходство немецких и русских идей относительно своего прошлого и настоящего. Перечислим универсальные черты образов немецкого и русского Средневековья. 1. Глубокая религиозность. Религия пронизывала всю жизнь людей, определяя их мировосприятие и поступки. 2. Цельность натуры средневекового человека 3. Святость семейных уз, супружеская верность, почитание родителей. 4. Доброта и простодушие (Вакенродер восхищается «тихим серьезным характером» немцев XVI века). 4. Средневековое общество – общество социальной гармонии. 5. Только в Средневековье народ обладал в полной мере своим национальным характером и своей национальной, самобытной культурой. 6. Аполитичность и «гордое послушание» (по выражению Т.Манна) по отношению к

государственной власти, воспринимаемой как неизбежное зло, – одна из основных черт национального характера народа, отличающая его от западных соседей (для русских это – Западная Европа, для немцев – Франция). 7. Средневековье – не только достояние прошлого. Оно осталось в жизни простого народа.

Во второй половине XIX века в Германии появляется интерес к национальному язычеству, что во многом было связано с творчеством Вагнера. В начале XX столетия он заметно возрос, сопровождаясь усилением национализма, антисемитизма, ослаблением влияния христианства и постоянной критикой современно общества, осуждаемого за эгоизм, индивидуализм и неспособность к самопожертвованию. Вот почему многие немецкие интеллектуалы приветствовали начало Первой мировой войны, видя в ней тот очистительный огонь, который превратит эгоцентричного ленивого бюргера в героя, достойного великих предков, и сплотит народ в единое целое. Эти иллюзии оказались удивительно живучими. Они пережили Первую мировую войну и стали прелюдией новой, еще более страшной катастрофы. Впрочем, не о ней ли еще в 1834 году писал Г.Гейне: «Христианство (...) несколько ослабило грубую германскую воинственность, но искоренить ее не смогло, и если когда-либо сломится обуздывающий талисман, крест, то вновь вырвется наружу дикость древних бойцов, бессмысленное берсеркерское неистовство (...). Этот талисман ослабел, и настанет день, когда он обрушится (...). Тогда (...) восстанут старые каменные боги (...), и, наконец, поднимется на ноги Тор (...) и разгромит готические соборы. (...) В Германии будет разыграна пьеса, в сравнении с которой Французская революция покажется лишь безобидной идиллией»[5, с.200-201].

Это не только уникальное по своей точности пророчество. Это напоминание о том, что любая игра, в том числе и с прошлым, если ею слишком увлечься, может закончиться трагически. И еще: историческое и культурное наследие, иными словами, «наше прошлое» - не только «золотой

век», источник гордости, восхищения или умиления. Это и то, о чем писал А.С.Хомяков в стихотворении «Не говорите: то былое...», это темное и тяжелое бремя внутри каждого народа и человека, которое надо понять и преодолеть.

Литература

1. Аксаков И.С. По поводу празднования 1000-летия России // К.С.Аксаков, И.С.Аксаков. Избранные труды. М.:Роспэн, 2010.
2. Аксаков К.С. Об основных началах русской истории //Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. – М.:Роспэн, 2010.
3. Вакенродер В.-Г. Рассказ о том, как жили старые немецкие художники, где в качестве примера будут показаны Альбрехт Дюрер и отец его Альбрехт Дюрер Старший //Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. – М.: Искусство, 1977
4. Время – история – память. Историческое сознание в пространстве культуры. Под ред. Л.П.Репиной. – М.:ИВИ РАН, 2007
5. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. – М.: Прогресс, 1994
6. Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. Под ред. Л.П.Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008
7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М.:Наука, 1991
8. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России //Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007
9. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – М.,2004
10. Песков А.М. Германский комплекс славянофилов // Россия и Германия: опыт философского диалога. М.,1993
11. Тённис Ф. Общность и общество. – СПб.: Владимир Даль, 2002
12. Томан И.Б. Образы XVIII века в сочинениях И.С.Тургенева // Тургеневский сборник. Вып.4. - М.: Тургеневское общество, 2007. - С. 41-56

13. Томан И.Б. Ностальгия о «золотом веке» в русской и немецкой культуре XIX века // Тургеневские чтения. VI. М.: Книжица, 2014. С.32-52
14. Томан И.Б. Образы «золотого века» в культуре Европы и России // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва – Ярославль: Редмер, 2013. С. 83-89
15. Томан И.Б. Образы XVIII столетия в европейской и русской культуре (конец XVIII-начало XX века) // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения». 13 мая 2014 года. М-Ярославль:Редмер, 2014. – С.240-250
16. Томан И.Б. Из истории культа руин в Европе и России // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия - Запад - Восток. Материалы Международной научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения". 19 мая 2015 года. Москва-Ярославль: Редмер, 2015. С. 192-206
17. Успенский Б.А. История и семиотика // Успенский Б.А. Этюды о русской культуре. – СПб., 2002
18. Хомяков А.С. По поводу статьи И.С.Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Избранные статьи и письма. – М.: Городец, 2004
19. Шлегель Ф. Путешествие во Францию // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т.2. М.,1983
20. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1983

21. Эксле О. Миф о средневековье // Одиссей –1999. М., 1999
22. Элиаде М. Миф о вечном возвращении; Священное и мирское //Элиаде М. Миф о вечном возвращении.– М.: Ладомир, 2000
23. Mann Th. Betrachtungen eines Unpolitischen. – Frankfurt am Main, 1983